

Введение

Тема этого номера, публикуемого в год, следующий за юбилеем, — «После революции». Он опирается на результаты международной конференции «Революции 1917/2017, коммунистическое наследие и призраки будущего», прошедшей год назад в Европейском университете в Санкт-Петербурге.

Прежде всего речь идет об *интеллектуальном наследии Русской революции 1917 года*, а также, в более широком контексте, о философском и политическом значении революции сегодня. Русская революция стала для мировой истории событием тектонического масштаба. Вместе с тем ее последствия остаются не вполне осмысленными с точки зрения актуальной теоретической дискуссии: победа сталинской группировки и нараставший раскол между российской и западной социальной наукой превратили большую часть теоретической литературы на эту тему в агиографию Великой Октябрьской социалистической революции или же в белогвардейские рассуждения о тайной религиозности большевиков (от Николая Бердяева до Юрия Слезкина). В данном номере Гал Кирич возвращается к тезису о «политической теологии» с противоположной, левой точки зрения и прослеживает метафору воскрешения Лазаря, начиная с большевистских текстов и заканчивая более современной теорией революции. Эта метафора предполагает, что революционный класс рассматривается в народных преданиях терминах: в качестве множественности безвластных и исклнических.

Размышления о революции независимо мыслящих советских интеллектуалов по большей части не достигали международной общности. Каково ретроспективное понимание Октябрьской революции, представленное в мировой политической теории?

В первую очередь на ум приходит Лукач с его ориентированной в будущее теорией пролетарского субъекта. Эту линию мысли в данном номере продолжает Кети Чухров. Она резко критикует сегодняшний когнитивный класс и его революционную деятельность, которую считает слишком эгоцентрической. Согласно Чухров, настоящая революция, подобная той, что основала Советский Союз, — это забегающее вперед создание идеальных институций для класса, которого еще нет. Он рождается лишь путем постепенного вращаения в эти новые институты.

Во-вторых, о революции 1917 года много размышлял Грамши, влиятельный интеллектуал и ленинист, творчество которого целиком посвящено последствиям 1917-го для России и Европы. В своей статье, написанной для данного номера, Лоренцо Кьеза исследует

подход Грамши к «южному вопросу» в Италии. Он показывает, как Грамши пытается переосмыслить марксизм по следам ленинского поворота 1917-го, открывшего путь для революционного вовлечения *крестьян*.

Несмотря на тиранию истмата в Советском Союзе было немало самобытных философских умов, искренне расположенных в отношении революции и озабоченных сохранением ее достоинства. Статьи, посвященные многим из них, включены в тематический выпуск нашего журнала о советском марксизме (№2 за 2017 год). В данном номере эта дискуссия получила свое продолжение. Андрей Платонов и Борис Поршневы, одни из наиболее оригинальных советских мыслителей, выходят здесь на первый план. Джоди Дин использует литературное творчество Платонова для размышлений о своей текущей научной теме — понятии «товарища» как отдельном типе социальной связи, характерной для эмансипаторных движений. В статье, включенной в данный номер, она переходит от платоновского наследия к коммунистической партии США: отсутствие прямой исторической связи не исключает того, что логика товарищества в обоих случаях сопоставима. Владимир Рыжковский продолжает обсуждение (начатое ранее в вышеупомянутом номере «Стасиса») многогранного наследия Бориса Поршнева. Рыжковский подробно описывает интеллектуальную карьеру Поршнева, уделяя особое внимание его пониманию *мировой истории* в контексте революции 1917 года, масштабный и мессианский характер которой определил уникальную надмирную точку зрения этого мыслителя.

Помимо статей, мы публикуем стенограмму круглого стола о революции, который состоялся в Европейском университете в Санкт-Петербурге спустя год после юбилея 1917-го. Тема круглого стола — универсальные, философские и космические импликации революции 1917 года — может показаться необычной, однако она хорошо соотносится с духом ранней постреволюционной советской культуры. В момент, когда непосредственные политические результаты революции в основном «отыграны» назад, имеет смысл сосредоточиться на общей, универсальной программе, обращенной в будущее.